

А. И. Андреев

Санкт-Петербургский буддийский храм
в фотографиях В. А. Сансеро
(1920–1924).

Из коллекции Института восточных рукописей РАН

A. I. Andreyev

The Saint-Petersburg buddhist temple
in the photographs by Vladimir A. Sansero
(1920–1924).

From the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences

Санкт-Петербург

2017

УДК 24 + 908
ББК 86.35
А 65

Андреев А. И.
Санкт-Петербургский буддийский храм
в фотографиях В. А. Сансеро
(1920–1924). Из коллекции Института восточ-
ных рукописей РАН. — Санкт-Петербург :
Изд-е А. А. Терентьева, 2017. — 96 с.

Книга представляет собой альбом фотогра-
фий Петербургского буддийского храма нача-
ла 1920-х гг., сделанных В. А. Сансеро. Аль-
бом этот хранится в фотоархиве Института
Восточных Рукописей РАН в С. Петербурге
и является свидетельством тех лет, когда храм
подвергся разграблению в 1919 г., и затем был
восстановлен представителем Тибета в РСФСР
Агваном Доржиевым. Публикацию фотогра-
фий предваряет очерк А. И. Андреева.

A.I. Andreyev.
The Saint-Petersburg Buddhist temple
in the photographs by Vladimir A. Sansero
(1920–1924). From the Collection of the Institute of
Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences.— SPb., 2017. — 96 c.

The book is a photographic album with the views of
the St.-Petersburg Buddhist temple and its interior, tak-
en, in the early 1920s, by V. A. Sansero. The album
belongs to the archive of the Institute of Oriental Man-
uscripts of the Russian Academy of Sciences in St.-Pe-
tersburg. It is a historical record of the period when the
temple, being ransacked, in 1919, was then restored
by the representative of Tibet in Soviet Russia, Agvan
Dorzhiev. The publication of Sansero's photographs is
preceded by an introduction by the A.I. Andreyev.

К 200-летию основания Азиатского Музея

© Текст: А. И. Андреев, 2017.
© Фотографии В. А. Сансеро
© Оформление – изд-во А. А. Терентьева, СПб., 2017
© дизайн макета: Алексей Симоненко

К 200-летию основания Азиатского Музея

Фотоальбом В. А. Сансеро хранится в архиве Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института восточных рукописей Российской академии наук

Предисловие

Вот уже четверть века, как Петербургский Буддийский храм – Дацан Гунзэчойнэй, расположенный в Старой Деревне, привлекает к себе всех, кто исповедует буддийское вероучение, как петербуржцев, так и буддистов из других стран. Это один из самых необычных, экзотических и вместе с тем загадочных памятников Санкт-Петербурга – «место силы», волнующее воображение какой-то скрытой в нём сокровенной тайной. Когда-то писатель С. Н. Марков назвал храм «золочёным парадоксом на берегу реки», и во многом он остаётся таковым.

Построенный незадолго до начала Первой мировой войны по инициативе учёного бурятского ламы Агвана Доржиева (1854–1937;) и правителя Тибета 13-го Далай-ламы Тубтэна Гьяцо (1876–1933; Илл. 2), храм был освящён – в честь божества Калачакры (как считают многие буддисты сегодня, хотя этот факт не имеет документального подтверждения) в августе 1915 года и тогда же получил своё тибетское название *Kun la brtse mdzad thub dbang dam chos 'byung ba'i gnas* – Источник Возвышенной Дхармы Владыки-Отшельника, сострадающего ко всем, сокращённо Гунзэчойнэй.

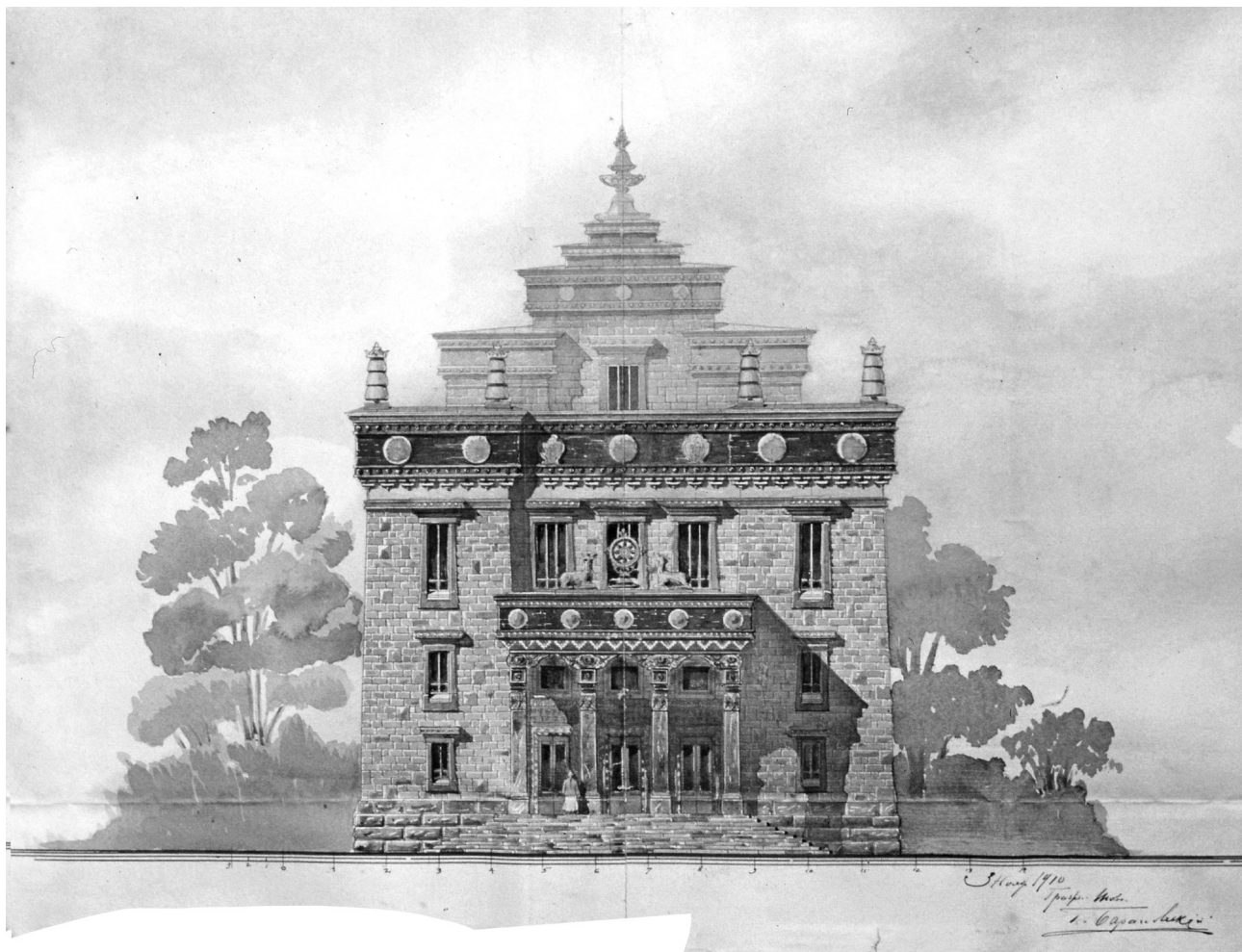
1. Цанит-хамбо Агван Доржиев, 1898. Музей-квартира П. К. Козлова. С. Петербург.
Khambo-lama Agvan Dorzhiev, 1898. Petr K. Kozlov Memorial Museum, St.-Petersburg.

2. 13-й Далай-лама, Даржилинг, 1910.
СПб. филиал Архива РАН.

13th Dalai Lama, in Darjeeling, 1910.
St.-Petersburg branch of the archive of the Russian Academy
of Science.

3. Южный фасад Буддийского храма по проекту Г. В. Барановского, 1909. РГИА СПб.

Southern facade of the Buddhist temple, designed by G.V. Baranovskii. Russian State Historical Archive, St.-Petersburg.

Постройка буддийского храма в столице Российской Империи была долгой и трудной. Доржиеву пришлось преодолеть немало препятствий со стороны властей, не желавших появления в православном Петербурге иноверческой молельни. Но, в конце концов, ему удалось добиться своей главной цели – построить не просто буддийскую молельню, а маленький монастырь-дацан, состоящий из храма и надворных построек, подобный буддийским монастырям Забайкалья, Монголии и Тибета. Внешне петербургский храм, однако, мало похож на восточные прототипы, являя собой причудливое соединение стиля тибетской храмовой архитектуры и модного в то время европейского модерна. Эта стилистическая экстравагантность, по замыслу Доржиева, должна была привлечь в храм европейскую публику и тем самым способствовать распространению буддизма в Петербурге. Таким образом, Петербургский Дацан стал самым северным буддийским храмом в Европе.

Автором проекта храма является известный архитектор Г. В. Барановский, использовавший при его разработке первоначальный эскизный чертёж студента Института гражданских инженеров Н. М. Березовского. Рядом с храмом, по настоянию Доржиева, возвели четырёхэтажный каменный дом-общежитие, предназначенный для монахов-священнослужителей (на верхних трех этажах) и продуктовой лавки (на первом).

Влияние модерна особенно заметно в отделке фасадов здания (использование разных сортов гранита, облицовочного кирпича и глазурованной плитки) и оформлении интерьеров, которым в 1914–1915 гг. руководил известный русский художник Н. К. Рерих. Помогали ему приглашённые из Бурятии Доржиевым мастера – ламы-художники (зурачины) Осор Будаев и Гэлэг-Чжамцо Цэвэгийн (Цыбаков), а также выполнявший столярные работы Ринчин Занхатов. Гэлэг-Чжамцо – высокоучёный лама, автор трудов по буддийской астрономии и математике.

Подобно Доржиеву он получил образование в Тибете, в лхасском монастыре Дрепунг. Как специалист по астрономии, Гэлэг-Чжамцо был хорошо знаком с религиозно-философской системой Калачакры, мистические символы которой, играют важную роль в декоре храма. Известно также, что этот бурятский лама занимался росписью и устройством алтаря. На витражах, обрамляющих световой фонарь в потолке храма, изображены традиционные буддийские символы – «Восемь счастливых знаков», стилизованные в духе северного модерна Н. К. Рерихом.

Буддийские статуи (бурханы) и принадлежности для совершения ритуалов были заказаны Доржиевым в специальных мастерских Пекина и Долоннора. Эти предметы доставили в Петербург двумя большими партиями в июле и декабре 1910 г. Небольшая часть утвари – набор серебряных ритуальных сосудов и др. – изготовила в Петербурге фирма придворного ювелира Николая Линдена.

Статую Большого Будды привезли из Забайкалья (точных сведений, где она была изготовлена, не имеется). Некоторые предметы буддийского реликвария составили многочисленные подарки разных лиц, в том числе и самого буддийского первосвященника, тибетского Далай-ламы.

Здание петербургского дацана состоит из двух основных объемов – южный в три этажа (зал молебствий и расположенные над ним кельи для монахов-служителей) и северный – четырёхъярусная башня-гонкан (тиб. *ngon-khang*), заключающая в себе наиболее сокровенные помещения храма – алтари и часовню гения-хранителя. (Строго говоря, тибетский гонкан – это малое молитвенное помещение в башне над крышей дугана. В ряде монастырей Тибета он представлен отдельным строением, которое таким образом противопоставляется остальной части храма (собственно дугану), где расположен большой зал молебствий. В Петербургском дацане в гонкане находилась статуя грозного женского божества Палдэн Лхамо – охранительницы буддийского учения и священной Лхасы.) Храм строго ориентирован с юга на север, где, по представлению буддистов находится

легендарная Шамбала. В глубокой нише северной стены ритуального зала (1-й ярус гонкана) помещался главный алтарь с изваянием Большого Будды (высотой 2,75 м). Первоначальная статуя, сделанная из алебастра, была заменена в середине 1920 х на металлическую, покрытую позолотой. Во 2-м этаже находился еще один алтарь с установленными на нем двумя сиамскими буддами (Сидящий и Стоящий Будда Шакьямуни), подаренными храму в 1914 г. королем Сиама Рамой VI Вачиравудом и российским посланником в Бангкоке Г. А. Плансоном-Ростковым.

Главный (южный) фасад здания украсили традиционные буддийские символы – колоколообразные чжалцаны, стоящие по краям крыши; зеркальные диски-толы, призванные отпугивать злые силы, и шиты с монограммами Калачакры, укрепленные на фризях; и, наконец, главный символ – фигура ланей по обе стороны восьмирадиусного Колеса вероучения (аллюзия на первую бенаресскую проповедь Будды), водружённая над порталом храма. Башню гонкана венчал позолоченый ганчжир, выполнявший роль шпиля.

Окончание постройки, совпавшее с началом регулярных богослужений в храме, имело большое культурное значение, но оно осталось почти незамеченным общественностью столицы, внимание которой было приковано к фронтам первой мировой войны. Посетившие Старую Деревню по случаю открытия храма корреспонденты столичных газет были немало удивлены, обнаружив на самом краю города, вблизи стрелки Елагина Острова, монументальное и вместе с тем необычайно экзотическое здание «буддийской пагоды». Его внешняя форма с мощными, суживающимися кверху стенами, отделанными красно-фиолетовым пютерлахтским гранитом, напоминала неприступную крепость. Это впечатление еще более усиливала окружающая храм по периметру высокая кирпичная (оштукатуренная) ограда с железными коваными воротами. Поражали воображение своей необычностью и загадочные буддийские символы на фасаде, равно как и яркое, цветистое убранство интерьеров.

4. Намчувандан, буддийский символ «Десяти могуществ». Накладная деталь с фасада храма. Фото П. Цветкова.

Namchuvandan, the Buddhist symbol of the 'Ten Powers' of Kalachakra, placed on the facade of the temple. A. Terentyev Collection.

Внутри храма вели три массивные деревянные двери, скрывавшиеся в глубине изяшно орнаментированного портала с колоннами. Над каждой из дверей – доски с загадочными восточными письменами – золотом по синему. Это были священные буддийские мантры, начертанные на трех языках – санскритском, тибетском и старомонгольском: Ом арапачана дхи (мантра Манджушри – бодхисаттвы Мудрости), Ом мани падме хум (мантра Авалокитешвары – бодхисаттвы Сострадания), Ом Ваджрапани хум пхат (мантра Ваджрапани – бодхисаттвы Уничтожения заблуждений). Эти три бодхисаттвы пользуются особым почитанием в Ваджраяне – Колеснице Грома, одном из направлений Махаяны, которое на западе принято называть тантрическим буддизмом. Капители колонн портала и верхний фриз основного объема здания украшали позолоченные «шиты» с эмблемой-монограммой Калачакры – Намчувангдан (тиб. rnam-bcu dbang-ldan), символ «Десяти могуществ».

Войдя в храм, посетитель оказывался в небольшом вестибюле, из которого затем попадал в главный молитвенный зал. Там, уже с самого порога, он мог узреть потаённое в полумраке позолоченное изваяние Большого Будды Шакьямуни, едва освещённое квадратом «светового фонаря». Справа и слева от него, в двух специальных шкафах за стеклом, находились бурханы многочисленных божеств буддийского пантеона китайской, тибетской и монгольской работы. Проём алтарной ниши обрамляла узкая лента надписи, выполненной монгольским квадратным письмом: Да победит добродетель! Да пребудет счастье! (слева по вертикали) – Иду под защиту Трёх Истинных Драгоценностей. Пусть пребудут в спокойствии все живые существа! (горизонтальная строка по центру) – Пусть вечно множатся заслуги! Поклоняюсь Трёх Драгоценностям! (справа по вертикали). Три Драгоценности – это Будда, Его Учение (Дхарма) и Община (Сангха).

Пространство зала молебствий разделялось двумя рядами колонн на три нефы. В зале не было окон – свет в него проникал сверху, как бы с неба, через остеклённую часть крыши и потолка (световой фонарь), и падал на стилизованный восьмилепестковый лотос, выложенный цветными плитками на полу. В центре зала, как раз под этим стеклянным потолком, стояли два длинных стола с принадлежностями для совершения ритуалов (колокольчики, ваджры, маленькие блюда с рисом, тибетские книги-ксилографы в виде несброшюрованных длинных бумажных листов). В алтарной нише и между колонн были развешаны баданы и чжалцаны – многоцветные парчовые украшения разной формы, сшитые в Бурятии; рядом с ними – написанные на материи иконы-танки.

* * *

5. Служба в храме, 1915. Архив Музея истории религии, С.-Петербург. 7-й слева во 2-м ряду Ф. И. Шербатской.

A service in the temple, 1915. Standing in the second row (7th from left) is Th. I. Stcherbatskii. Archive of the Museum of the History of Religion, St.-Petersburg.

Действующим храм, однако, оставался недолго. В начале 1917 года служившие в нём калмыцкие и бурятские монахи стали покидать революционный Петроград, и храм оказался без присмотра. Вернее, присматривал за ним, по просьбе Доржиева, поселившийся в монашеском общежитии востоковед-буддолог Ф. И. Шербатской. Однако осенью 1919 г. – во время наступления Юденича на Красный Петроград, Шербатскому пришлось покинуть своё пристанище, так как в доме была расквартирована красноармейская часть. Вскоре после этого дацан подвергся страшному погрому и утратил практически все свои реликвии и украшения. (Винюниками погрома, скорее всего, были лихие красноармейцы – ближайшие соседи храма). У статуи Большого Будды в главном молитвенном зале погромщики отбили голову и проломили отверстие в туловище, надеясь найти спрятанные там драгоценности, варварски уничтожили храмовую библиотеку, состоявшую в основном из тибетских и монгольских книг-ксилографов. Тогда же погибла и ценная коллекция дипломатических документов, принадлежавших Доржиеву.

О трагической судьбе храма в ранний послереволюционный период я рассказал в книгах «Буддийская святыня Петрограда» (1992) и «Храм Будды в Северной столице» (1-е изд., 2004; 2-е изд., 2012), явившихся результатом моих многолетних архивных поисков. А затем старший хранитель Музея Антропологии и Этнографии РАН Д. В. Иванов дополнил мой рассказ, опубликовав ряд новых документов, обнаруженных в архиве Государственного Эрмитажа¹. Однако остаётся ещё немало вопросов, на которые мы пока что не имеем ответа. Так, нам почти ничего не известно об обстоятельствах создания А. Доржиевым при храме в 1922 г. Тибетской и Монгольской миссий, впоследствии объединённых под общим названием «Тибето-Монгольской миссии»².

---

1 См. Д. В. Иванов. Материалы о Петербургском буддийском храме, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Петербургский Буддийский храм, Государственный Музейный Фонд. // Тибетология в Санкт-Петербурге. Вып. 1. СПб., 2014. С. 26–35.

2 Собственностью Тибето-Монгольской миссии являлись следующие постройки: здание буддийского храма, 4-х этажный дом общежития, 2-х этажный служебный флигель позади общежития («дом Доржиева»), 2-х кирпичный дом позади храма (Липовая аллея, 4).

6. Большой Будда, 1920-е гг. Из собрания В.А. Иванова.
The Statue of the Big Buddha, 1920s. V.A. Ivanov Collection.

Миссия эта считалась иностранной, и потому пользовалась дипломатическим статусом вплоть до 1937 г., тем более что её глава являлся тибетским подданным. В конечном счёте, покровительство чичеринского Наркомата по иностранным делам (НКИД), взявшего курс на сближение Советской России со странами «пробудившейся» Азии, позволило Доржиеву сохранить храм в неприкосновенности, в то время как в стране повсюду закрывались и разрушались православные церкви. К сожалению, документы, относящиеся к деятельности Тибето-Монгольской миссии (хранятся в Архиве Внешней политики РФ), практически не доступны для исследователей. А они могли бы рассказать о многом и о многих, прежде всего о самом А. Доржиеве, «полномочном представителе Тибета в СССР», его ближайших помощниках и соратниках – Л. Ш. Тепкине, Б. Н. Очирове, К. Теннисоне и др., тех, кого мы видим на редких фотографиях, опубликованных в моих книгах.

Вообще, 1920-е годы – период, насыщенный многими важными событиями в истории храма. Главное из них – это частичный ремонт дацана, устранение нанесённых ему повреждений, что позволило возобновить регулярные богослужения. Для этого, прежде всего, пришлось реставрировать сильно повреждённую статую Большого Будды, что удалось сделать в довольно короткий срок. Правда, Доржиев был недоволен новой головой Будды, вылепленной из гипса, и её пришлось переделывать. Впрочем, несколько лет спустя в главном алтаре установили другую – металлическую – статую, изготовленную по заказу Доржиева, то ли в Германии, то ли в Польше. А затем летом 1930 г. в дацане состоялся ваджраянский Цам – пантомимическая мистерия, посвящённая Калачакре, ежегодно совершаемая в буддийских монастырях. С этой целью Доржиев пригласил в Ленинград большую группу лам из Агинского дацана. Среди них был бурятский лама-зурчин (художник) Осор Будаев, в прошлом принимавший участие в оформлении интерьеров храма, в том числе главного алтаря.

Вокруг храма постепенно складывается новая буддийская община. В то же время в храм и общежитие нередко заглядывают востоковеды – С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Шербатской, Б. Я. Владимирцов – все трое в то время преподавали в Петроградском (Ленинградском) Институте Живых Восточных Языков (ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ). Между академическими учёными и ламами, носителями живой буддийской традиции, завязываются тесные контакты. Б. Я. Владимирцов даже жил с семьёй в буддийском общежитии летом 1923 г. Вот отрывок из его письма востоковеду-монголисту В. Л. Котвичу:

«Прошное лето мы провели в доме при буддийском храме; приезжал хамбо и много лам, среди которых было несколько учёных и бывалых, проживших долго в Тибете. Удалось довольно много позаниматься с ними»³. (Учёные ламы, упоминаемые Владимирцовым, – это Л. Ш. Тепкин и Б. Н. Очиров, а хамбо – это Агван Доржиев).

Этот буддийский ренессанс, однако, был недолгим. Публичные службы в хра-

---

³ Архив Института восточных рукописей РАН, ф. 761, оп. 1, д. 5, л. 16 (письмо Б. Я. Владимирцова В. Л. Котвичу от 12 октября 1924).

ме прекратились в конце 1933 г. Одним из последних было молебствие о почившем 13-м Далай-ламе, считавшимся покровителем храма. А в мае 1935 г. начались аресты лам в Старой Деревне. Многие из них были осуждены на 3–5 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях как «социально-опасные элементы».

1 сентября 1936 г. престарелый и тяжело больной Доржиев составил завешание на имя своего внучатого племянника Сандже Даншиковича Дылыкова, в то время 24-летнего аспиранта ленинградского Института Востоковедения. Ему, как своему ближайшему родственнику, Доржиев завещал всё своё личное имущество (как движимое, так и недвижимое), но главное – он назначил Дылыкова своим преемником по управлению Тибето-Монгольской миссией, вплоть до прибытия официального представителя Тибета в СССР. В то же время, беспокоясь о будущем буддийского храма, Доржиев просил Дылыкова взять на себя заботу о его сохранности, заручившись содействием Наркоминдела.

Год спустя Доржиев покинул Ленинград. Он отправился к себе на родину, в Бурятию, где собирался провести остаток жизни в уединении и молитве, как подобает буддийскому монаху. Очевидно, он готовился к уходу из жизни. По приезде Доржиев поселился в маленьком домике при Ацагатском дацане, где и был арестован как «японский шпион» осенью 1937 г. Несколько месяцев спустя (29 января 1938) – после единственного допроса – Доржиев скончался от паралича сердца в тюремной больнице в Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ). Многие буряты, однако, до сих пор считают, что Доржиев не умер, а добровольно «ушёл в Нирвану», избавившую его от дальнейших страданий.

Тем временем весной – осенью 1937 г. в Ленинграде были арестованы остальные ламы, и «контрреволюционная» Тибето-Монгольская миссия перестала существовать. В результате буддийский храм и принадлежавшие миссии строения перешли под юрисдикцию городских властей, т.е. были муниципализированы (в марте-апреле 1938 г.).

Однако вернёмся в сегодняшний день.

Весной 2014 г. сотрудница Института восточных рукописей С. Л. Шевельчинская обнаружила при разборке фотоархива небольшой альбом, озаглавленный «Буддийский Храм в период от 1920 по 1924 г.». В альбоме находилось чуть более трёх десятков чёрно-белых фотографий разного размера, наклеенных на 12 листах с обеих сторон и не имевших подписей. В нижней части обложки, в крайнем правом углу можно было прочесть фамилию вероятного составителя альбома или автора-фотографа – В. А. Сансеро. В центре обложки небольшая круглая печать – «Азиатский Музей Российской Академии Наук». В самом верху проставлен год «1925» – вероятно, время поступления альбома в знаменитый Азиатский Музей, который долгие годы возглавлял С. Ф. Ольденбург (ныне Институт восточных рукописей РАН). По мнению С. Л. Шевельчинской, судя по этикеткам на картонках, в которые вложен альбом, он поступил в рукописный отдел Му-

зея (с 1930 г. Институт Востоковедения) не позднее 1925 г. и был помещён в фототеку под № 114 (после инвентаризации 1925 г. № 73).

Эти фотографии запечатлели храм в первые годы после его погрома, т.е. в тот период, когда он постепенно обретал свою «вторую жизнь». Надо сказать, что от этого периода сохранилось очень немного фотографий. Некоторые из них мне удалось обнаружить в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов (ЦГАК-ФФД), кое-что сохранилось в частных собраниях (А. А. Терентьева, А. И. Бреславца, М. В. Баньковской, В. А. Иванова). Все они были использованы мной в качестве иллюстраций к книге «Храм Будды».

О личности составителя альбома – автора фотографий нам известно очень мало. Владимир Августович Сансеро родился в 1882 г. в семье «московского мещанина»; получил начальное образование в реформаторском училище (вероятно в Москве), после чего поступил на службу в 1902 г. в Акционерное общество Русских электро-

технических заводов Сименса и Гальске. Там он проработал в должности чертёжника в техническом отделении сильных токов до 1906 г.⁴

Согласно справочнику «Весь Петроград на 1917 г.» В. А. Сансеро – техник, проживал вместе с Сансеро Верой Адольфовной (вероятно, его женой) по адресу Б. Сампсониевский пр., 70. Но это был не его домашний адрес, а адрес места работы – телефонный завод Л. М. Эриксона (После 1919 – Петроградский телефонный завод, переименованный позднее в завод «Красная заря»). И действительно, по сведениям А. В. Барченко, поселившегося в буддийском общежитии зимой 1922 г., Сансеро служил на заводе Эриксона за Московской заставой, был «большим поклонником буддизма» и исполнял должность управдома буддийского общежития при храме. А. В. Барченко, впрочем, отзывается о нём несколько пренебрежительно – «какой-то

---

4 Эти сведения мы находим в личном деле В. А. Сансеро: Центральный государственный исторический архив, С.-Петербург (РГИА), ф. 1249, оп. 2, д. 826.

весьма растрёпанный, довольно подозрительного вида „механик“» Сансеро». В буддийской «колонии» он бывал довольно редко – раз или два в неделю.⁵

Сансеро, очевидно, находился в доверительных отношениях с Доржиевым, который назначил его «управляющим храмом и храмовым имуществом» и выдал соответствующее удостоверение от лица Тибетского представительства в РСФСР.⁶ Это был своего рода охранительный мандат для Сансеро, которому не нравились новые порядки в России и он хотел уехать из страны. В нашем распоряжении имеется один любопытный документ – письмо Сансеро Доржиеву, раскрывающее его политические и религиозные взгляды.

---

5 Центральный государственный архив (ЦГА) СПб, ф. 2265, оп. 1, д. 65, л. 149 об. Письмо А.В. Барченко М.В. Бехтереву от 6 декабря 1922 г., опубликовано в кн: Андреев А. И.. Окультист Страны Советов. — М.: «Яуза» :«Эксмо», 2004. С. 325.

6 Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), ф. 648, д. 2, л. 26, б/д и подписи. Документ этот не имеет даты, но, скорее всего, был составлен в 1921 г., вскоре после учреждения Тибетской миссии при буддийском храме.

Петроград 16 июля 1921 г.
Старшему Цанит Хамбо Лхарамбо
Агвану Доржиеву

Глубокоуважаемый Агван Доржиев!

Многочисленные разговоры Карла Михайловича Теннисона со мною навели меня на мысль быть полезным в смысле оборудования электрического освещения в Тибете, или городах, где это Вам встретится необходимым, что, по словам Карла Михайловича, согласно с Вашим уже давно зародившимся желанием.

Если Вы найдёте возможным принять меня в Тибетское подданство, то, конечно, я бы мог немедленно проводить в жизнь все необходимые подготовки к оборудованию; в ином случае я никак не могу выехать из пределов России в виду русского подданства. Конечно, Вам должно быть ясно понятно, что в России в данное время нет никакой возможности жить. Главным образом меня гнетёт моральная сторона жизни, так как борьба с голодом заставляет изменять в дурную сторону самые честные и нравственные устои человека.

Так как философия буддизма мне в высшей степени нравится, и мне не может быть чужда уже потому, что христианское учение всецело заимствовано из учения Великого Будды, то, само собой разумеется, что лучше быть последователем основного учения, чем его искажения. Меня также привлекает фундаментальность постановки самого учения. Конечно, я не могу быть членом ордена Санка, а только светским последователем Буддизма, ибо я не подготовлен полностью к его принятию.

Остаюсь с почтением,   подпись⁷

---

⁷ Цитируется по: Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 99–100. Подпись под письмом отсутствует, поскольку, видимо, не была расшифрована теми, кто готовил это письмо к изданию. Но эта подпись практически идентична той, которая имеется на титульном листе альбома, что даёт нам основание считать автором письма к Доржиеву именно В. А. Сансеро и никого другого.

Итак, В. А. Сансеро – буддист по соображениям чисто философского характера, «светский» последователь Учения, не готовый принять на себя какие-либо религиозные обеты. Дальнейшая его судьба нам неизвестна. Можно предположить, однако, что Сансеро покинул Петроград после 1924 г.⁸ и его фотоальбом предназначался в качестве подарка С. Ф. Ольденбургу. Таким образом он попал в архив Азиатского Музея.

Здесь надо сказать, что сам С. Ф. Ольденбург также проявлял большой интерес к буддизму, особенно к буддийской иконографии. Вместе со Ф. И. Шербатским

8 В «деле В. А. Сансеро», хранящемся в Центральном государственном историческом архиве ЦГИА, недостаёт некоторое количество страниц, вырванных из него. Несмотря на его даты, обозначенные на титульном листе (начато ... /VII/ 1924 – окончено 25 октября 1924), мы не находим в деле какой-либо информации о деятельности Сансеро в послереволюционные годы. На обороте титула – несколько довольно странных записей, свидетельствующих о том, власти завели какое-то дело на Сансеро: «Дело отложено для вызова свидетелей ....»; «производство по этому делу от 22 года»; 4/IV/1925. Дело отложено. Постановлено вместо ... в качестве истца вызвать собес».

и рядом других востоковедов он входил в состав комитета по постройке храма, созданного Доржиевым в 1909 г. По воспоминаниям И. Д. Хлопиной, в востоковедных кругах Ольденбург считался «не только лучшим санскритологом, но и лучшим знатоком буддизма. Мы были уверены, что он буддист, да и не только мы. Буддисты Тибета почитали его за бодисаттву, ездили к нему на поклонение, привозили ему ароматические курительные свечи и голубые шали (хадаки – А. А.)... Он покровительствовал буддийскому храму, что в Старой Деревне: по делам этого храма к нему постоянно приходил буддийский монах, некто Tennison, зимой и летом босиком, с длинной путаной бородой и взлохмаченными волосами»⁹.

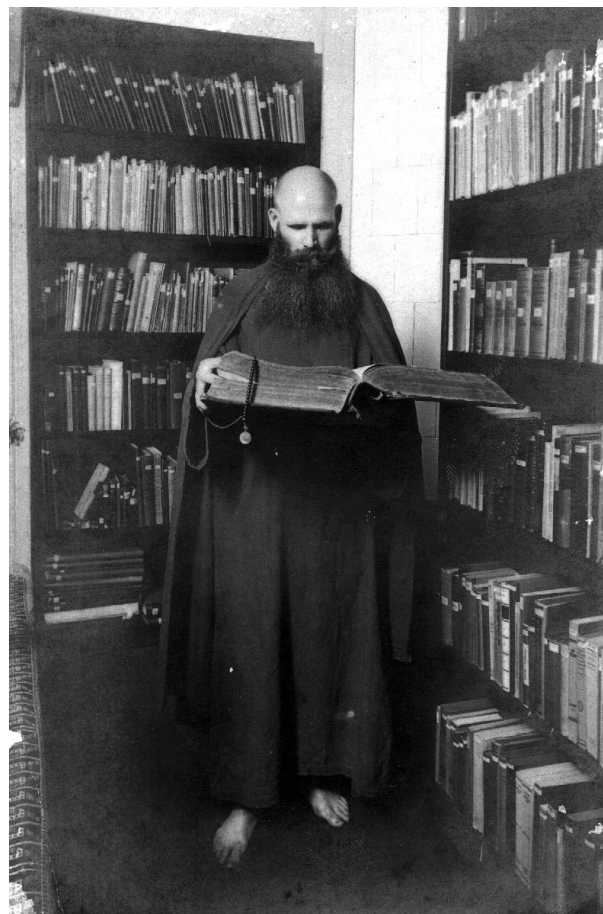
Карл Август (Михайлович) Теннисон (Karl Tenisson, 1883–1962) – личность почти легендарная. В воспоминаниях современников он предстаёт как весьма эксцентричный, не от мира сего человек, одержимый буддийскими идеями кармы и необходи-

9 См. А. И. Андреев. Храм Будды в Северной столице. 2-е изд. СПб., «Нартанг» - изд-е А. Терентьева. С. 85.

мости искупления грехов. При жизни его называли братом Вахиндрой, Босоногим и Балтийским Махатмой. Калмыцкие и бурятские ламы особенно почитали его за крайний аскетизм. Известность Теннисону также принесли его многочисленные публикации на эстонском и латышском языках – книжечек, открыток, листовок и собственных фотографий с целью пропаганды буддийского учения, главным образом, в странах Балтии – Эстонии, где он родился, и Латвии, гражданство которой приобрёл.

Эстонский биограф Теннисона М. Талтс называет его «абстрактным» буддистом, поскольку он не принадлежал к какой-либо конкретной буддийской школе или традиции. В молодости он увлекался учением Л. Толстого, языческой мифологией и теософией (до 1916 г.), но позднее создал своё собственное учение, являющееся синтезом буддизма и неоязычества. На русском языке Теннисон опубликовал две книги: «Учение о том, как человек делается бессмертным» (Рига, 1909) и «Буддизм: Древнеиндийская религиозная философия и его эволюция в Европе в наши дни» (Таллинн, 1916). Теннисон также является автором эстонско-рус-

7. Карл-Август Теннисон в своей библиотеке в Тарту. Из собрания Велло Вяртноу.

Karl Augustus Tennison, in his home library in Tartu. Vello Väartnõu Collection.

ского издания-бilingвы: «Suur meister Buddha ja tema kxrgemoraaliline xpetus: Великий мастер Будда и его высоко-моральное учение» (Таллинн, 1911). Эта книга – большой раритет, как отмечает М. Талтс; в эстонских библиотеках её не найти, сохранился лишь один экземпляр в Российской Национальной Библиотеке в Петербурге. А ещё Теннисон создал учение о Пан-Балтонии – государстве, которое должно возникнуть на прибалтийских землях, от берегов Невы и Онежского озера до Кёнигсберга. Государственным языком пан-балтонцев будет русский, а религией – реформированный буддизм¹⁰.

Теннисон находился в России с 1917 по 1923 г., проживал в основном в Петрограде при буддийском храме. Впрочем, весной 1917 он уехал из города и вернулся обратно в июле 1920 г. Он-то первым и узнал о разгроме храма, о чём сразу же телеграфировал А. Доржиеву. Более того, уже в его присутствии храм подвергся новому нападению, на этот раз со стороны местных

---

10 См. Mait Talts, “The first Buddhist priest on the Baltic Coast”: Karlis Tennison and the introduction of Buddhism in Estonia, <http://www.folklore.eefolklore/vol38/talts.pdf>.

жителей, но Теннисон решительно встал на его защиту¹¹. Позднее Доржиев назначил Теннисона «смотрителем Буддийского храма» и выдал ему соответствующее удостоверение¹².

В альбоме Сансеро имеется три фотографии, на которых изображён этот удивительный эстонский буддист (№№ 6, 10, 12). Особенно уникален снимок № 10 – Теннисон стоит перед алтарной нишей, а за его спиной можно увидеть статую обезглавленного Большого Будды с отверстием в нижней части туловища.

---

11 ЦГА С.-Петербурга. Ф. 8, оп. 1, д. 2567а, л. 8–12. Акт обследования буддийского храма инспектором Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) Г. Л. Пинкусом от 26 октября 1920 г. В нём, в частности говорилось: «По словам Теннисона, летом 1920, в первые дни после его возвращения, когда о храме никто ещё не знал, в храм являлись люди из окрестных жителей, по-видимому – с пилами и топорами, очевидно, собиравшимися рубить двери и вообще деревянные части храма, но в силу оказанного отпора и энергичных протестов со стороны Теннисона этому скандалу был положен предел, и больше таких посещений не было».

12 НАРБ, ф. 643, д. 2 (О Петроградском храме), л. 1. Удостоверение Теннисону датировано июлем 1921 г.

Ещё один редкий снимок (№ 7) запечатлел главный фасад храма, а слева от него за оградой хорошо просматриваются контуры 2-х этажного флигеля. В этом флигеле на 2-м этаже проживали настоятель храма (в 1922 г. это был лама Жигмит Доржиев) и Агван Доржиев. Первый этаж использовался монахами для хозяйственных нужд.

Наиболее интересные фотографии в альбоме – те, на которых запечатлены обитатели и гости буддийской «колонии». Это, прежде всего, портреты А. Доржиева (№ 21) и его ближайшего помощника Лувсана Шараба (Лувсана-Шерапа) Тепкина, ставшего в 1925 г. Ламой Калмыцкого народа¹³, а также ряд групповых снимков. На одном из них можно увидеть троицу знаменитых востоковедов – Ф. И. Шербатского, С. Ф. Ольденбурга и Б. Я. Владимирцова (№ 9).

Л. Ш. Тепкин и Бадма Намжил Очилов, которых мы видим на снимках №№ 5, 9, 24, обучались в Лхасе (вероятно, в Дрепунгском монастыре), вернулись на родину

13 О Л. Ш. Тепкине см.: Э. Бакаева. Лувсан Шараб Тепкин и его время // Шамбала, Элиста, 1997, № 5–6. С. 9–17.

в 1922 г. и тогда же А. Доржиев сделал их своими заместителями по управлению делами Тибето-Монгольской миссии. В 1923–1924 гг. они преподавали в Институте живых восточных языков, где пользовались большим уважением своих российских коллег-востоковедов. Немецкий буддолог В. Ункриг в очерке «Последние десятилетия ламаизма в России» упоминает о своём посещении буддийского храма в этот период и о встрече с Очиловым и Тепкиным, которые поразили его своей учёностью. «Петербургские ламы известны мне как тихие и дружелюбные люди. Двое из них проявляли огромный интерес к санскритской буддийской терминологии, практически утраченной вероучением, и они записали несколько выражений, которые я продиктовал им». Поводом для контакта Ункрига с Очиловым и Тепкиным послужили культовые предметы и статуэтки, находившиеся в одном из застеклённых шкафов, стоявших в алтаре рядом с Большим Буддой¹⁴.

14 Цит. по кн.: Андреев А. И. Храм Будды... 2-е изд. С. 100–101.

На снимках №№ 8 и 23 – группа монгольских студентов, приехавших в Ленинград в 1924 г. для обучения в ЛИЖВЯ и поселившихся в буддийском общежитии. Монгольские студенты на ступенях храма – яркая примета нового, советского, времени. К сожалению, опознать кого-либо из них по этим фотографиям не представляется возможным.

Ещё несколько любопытных снимков – №№ 14, 19, 20,¹⁵ запечатлевших богослужение в храме. До сих пор, основываясь на доступные мне документы, я полагал, что регулярные службы в храме возобновились только во второй половине 1920-х, после того, как в нижнем алтаре храма была установлена новая статуя Большого Будды.

15 * Фотографии идентичные №№ 6, 8, 10, 11 и 24 находятся в фонде А. М. Позднеева (архив ИВР РАН).

Примечание С. Л. Шевельчинской.

Альбом Сансеро, однако, свидетельствует со всей очевидностью о том, что службы в храме в присутствии буддистов-прихожан проходили и в первой половине десятилетия, вероятно, сразу же после реставрации статуи Большого Будды. Правда, глядя на эти снимки, возникает вопрос – какие именно ламы совершали молебствие? Откуда и когда они приехали в Петроград?

Подводя итог, можно сказать, что фотоальбом В. А. Сансеро, безусловно, является ценным историческим свидетельством, добавляющим новые штрихи к истории петербургского дацана в один из самых трудных периодов его существования – период адаптации к суровым реалиям социалистического быта.

Фотоальбом В. А. Сансеро, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН, публикуется в порядке расположения фотографий в оригинале (размеры альбома В. А. Сансеро: 19.5 x 24 см).

Все фотографии были отсканированы и предварительно отретушированы С. Л. Шевельчинской.

Дополнительная компьютерная реставрация фотографий выполнена В. Сидоровым и А. Симоненко.

Оригинальные размеры фотографий приводятся после подписей, сделанных А. И. Андреевым.

Introduction

It is already a quarter of a century that Gunzechoinei Datsan, the Buddhist temple in Staraia Derevnia (Old Village), an outlying district of Saint-Petersburg, has been a focus of much attraction for local Buddhists as well as those visiting the city from all over the world. It is a most unusual, exotic and mysterious edifice rising over the bank of the Big Nevka (one of the branches of the river Neva), “a place of power”, stirring one’s imagination with the thought of some sacred mystery deeply hidden within its rough redbrick walls.

Built shortly before the outbreak of the First World War (1909–1913) upon the initiative of the Buryat lama Agvan Dorzhiev (1854–1937), a political advisor of the 13th Dalai Lama Thubten Gyatso (1876–1933),

with some support from the latter, the temple was consecrated by Dorzhiev, having received its present name Gunzechoinei, which means in Tibetan: Source of the Holy Teaching (Dharma) of the Buddha, Compassionate to all Beings. Many Russian Buddhists nowadays believe that the temple was consecrated in honor of the deity Kalachakra and speak of it as a “Kalachakra temple”, although there is nothing in the available historical annals to support this claim. In fact, the temple was a small monastery, or datsang, similar to those of Buryatia, Mongolia and Tibet, yet outwardly it looked very much unlike them, being a mix of two distinct architectural styles – that of the traditional Tibetan Buddhist temples and of the fashionable fin-de-siècle European art nouveau (“Northern modern” in Russian). This stylistic extravagance, not to be met with anywhere in Europe, was to attract to the temple and to Buddhism in general, according to Dorzhiev, numerous members of the Russian public who were fascinated by the Orient and in this way to promote Buddhist ideals in European Russia. The Petersburg Datsan emerged as the northernmost Buddhist temple in Europe.

The design of the datsan was executed by the well-known Russian architect G. V. Baranovskii. Another four-storeyed building beyond the plastered stone wall encircling the temple was erected in the same years and intended by Dorzhiev as a Buddhist hostel and a food-shop for monks.

The influence of art nouveau is especially noticeable in the facades of the temple, reveted with various sorts of granite, ashlar brick and glazed tiles, as well as in the decoration of the interior. The latter work was carried out in 1914–1915 under the supervision of the well-known Russian painter and mystic Nicholas Roerich (1874–1947) who was aided by some Buryat native artists. The beautiful stained glass windows, framing the skylight in the ceiling of the prayer hall, depict the traditionally Buddhist “Eight Auspicious Symbols”. These were designed and stylized in the whimsical art nouveau manner by Roerich.

The votive objects for Buddhist rites were ordered by Dorzhiev from special workshops in Beijing and in Dolonnor. A small part of the temple furnishings were of local manufacture, such as a set of silver ritual vessels,

executed in the workshop of the court jeweler Nikolai Linden. The statue of the Big Buddha was brought from Transbaikalia. A certain number of ritual objects were donated to the temple by different persons, including its Tibetan patron, the Dalai Lama.

The Gunzechoinei Datsan consists of two main parts – an assembly or prayer hall (on the ground floor), with the monastic cells and store rooms accommodated above it (on the 1st floor); and a tower-shaped structure called the gonkan (Tib. mgon-khang – house of the protector or tutelary deities) which contained the most sacred premises of the temple (the altar rooms). (Strictly speaking, the term gonkan can properly be applied only to the chapel in the tower above the temple roof. In some monasteries in Tibet it is often a separate structure altogether, apart from the rest of the temple.) In the Petersburg Datsan the gonkan chapel contained the statues (burkhans) of the protectors of the Buddhist faith and of the temple itself, namely the wrathful divinity of Palden Lhamo, the patron-goddess of the Gelug Buddhist church and of the sacred city of Lhasa as well. The temple was oriented towards the North, where the mythical Land of

Shambhala of northern Buddhists lay. In the deep recess of the northern wall of the prayer hall (at the ground tier of the gonkan) stood the main altar with the gilded statue of the Big Buddha, about 9 ft high, made of alabaster. (This was replaced in the latter half of the 1920s by a metal one, allegedly manufactured in Hamburg, Germany). Above it, in the same gonkan tower, was another altar room with two Buddhas from Siam (today's Thailand) – the Seated Shakyamuni Buddha and the Standing One, the Pacifier of the Ocean. The former was presented to the temple in 1914 by the king of Siam, Rama VI Vachirawood, and the latter by the Russian ambassador in Bangkok G. A. Planson-Rostkov (known also as a collector of Buddhist objet d'art).

The main (southern) facade of the building was decorated with the traditional Buddhist emblems – the cylindrical gyaltzens (Tib. rgyal mtshan) placed at the edge of the roof, symbols of the triumph of Buddhism; the magic mirror-shaped disks (Mong. tols), designed to ward off the evil spirits; the shields with the mystical monogram of the Kalachakra teaching (the “Ten of Power”) decorating the frieze;

and finally, the foremost symbol, that of the eight-hub Wheel of Dharma (Mong. hurde), flanked by the standing gazelles, above the pillared portico, an allusion to the first Benares sermon of the Buddha. The gonkan tower was crowned with a gilded pinnacle of ganjir, a “receptacle of treasures” in Mongolian.

The worship in the temple which commenced right after its consecration was discontinued at the end of 1916. The shortage of food caused by the World War made it unbearably hard for the lamas to remain in Petrograd (the new name of St Petersburg) and most of them returned to their homelands in the Kalmyk and Transbaikalia steppes. The Buddhist community in the city also substantially decreased in number as many were drafted into the homeguard and left for Arkhangelsk in the north of Russia.

In June 1917, by a decree of the 2nd All-Buryat Council, held at Gusinoe Ozero datsan in Transbaikalia, the Petrograd temple was declared the ‘property of the Buryat-Mongol nation’. The two houses attached to it (one of them being a Buddhist hostel)

were to be turned into a dormitory for young Buryat-Mongol and Kalmyk students in Petrograd. In 1918 (already after the Bolsheviks had seized power in the country, following the 1917 October coup), Dorzhiev also rented for the same purpose another two-storey building right behind the temple. Finally, he planned to build a Buddhist crematorium in the vicinity. However the cholera epidemic which raged in Petrograd at that time interfered with his plans. Dorzhiev had to flee the city and he made his way to Kalmykia where he intended to collect funds for the new construction.

In his absence the person who was to take care of the abandoned temple was an eminent Sanscritist and Buddologist Prof. F.I. Stcherbatsky. At Dorzhiev's request he moved into one of the flats in the Buddhist hostel. However, in the fall of 1919 he was turned out of his home as a Red Army detachment was billeted in the building. This was at the time when the "White" general Yudenich drew close to Red Petrograd with his troops and a state of siege was declared in the city. As soon as Stcherbatsky moved out of the hos-

tel a pogrom was conducted by the soldiers in the datsan. Practically all of its furnishings and articles of value were looted. These included the burhans of gold, bronze and copper, the silver sacrificial vessels and bowls, the draperies made of Chinese brocade, decorative silks and furs, as well as the tableware and furniture. The statue of the Big Buddha was badly vandalized – its head was removed and a large hole was made in its chest with bayonets as the pogromists searched for treasures hidden inside. The temple library consisting of many hundreds of books in Eastern and European languages was completely destroyed. On top of that Dorzhiev's personal archive of unique documents pertaining to his diplomatic and other activities disappeared without trace. It was only in the late summer of 1920 that the news of the devastation of the temple reached Dorzhiev and he immediately rushed back to Petrograd. However the belated Cheka police investigation of the incident initiated by him yielded no results.¹⁶

¹⁶ The pogrom of the temple is recounted in detail in A. Andreyev, *Khram Buddy v Severnoi Stolitse*. St Petersburg: Nartang, izdanie A. Terentieva (2nd ed.), 2012, 83–86.

Nonetheless the new Soviet Foreign Ministry or People's Commissariat known as Narkomindel found it necessary to interfere, as the Bolshevik diplomats feared that the pogrom of the temple, 'an all-Buddhist shrine', could have 'a negative impact on the relations between Soviet Russia and the Buddhist East'.¹⁷ As a result the ministry officials helped Dorzhiev to restore the datsan in part, but they certainly could not replace all of the heavy losses it had suffered.

At the end of 1922 the Narkomindel, seeking closer links with the Buddhist East, recognized Dorzhiev as a "plenipotentiary" of Tibet (a de-facto independent state since 1913) in the Russian Soviet Federated Socialist Republic (RSFSR) and sanctioned the establishment of two missions on the temple's premises – a semi-diplomatic Tibetan one and a Mongolian one, the latter being mainly a cultural office taking care of Mongolian students arriving in Petrograd. Consequently the datsan estate, which included the temple and two residential buildings, was accorded a special extraterritorial status and upon Dorzhiev himself was conferred the rank of diplomat.

---

¹⁷ Ibid, 85.

The dramatic story of the temple in the early revolutionary period was discussed in my books: 'Buddiiskaia Sviatynia Petrograda' (The Buddhist Shrine of Petrograd) (1992), 'Khram Buddy v Severnoi Stolitse' (The Buddha Temple of the Northern Capital) (2004, 2nd ed. 2012) and the bilingual edition of 'The Saint-Petersburg Datsan', (2012), which were the fruits of my research in the archives of many years. The story of pogrom was later augmented with more documents from the archive of the State Hermitage published by the senior keeper of the Museum of Anthropology and Ethnography Dmitry V. Ivanov (2014).¹⁸ Still there remain many questions to which researchers have no answers. We know very little about the temple in the early 1920s – of how Dorzhiev set up the Tibetan and Mongolian missions, of his close associates – Sherab Tepkin, Badma-Dorzhi Ochirov, and Karl Tennison, an Estonian monk, who temporarily settled in the Buddhist hostel to look after the temple. All of these can be seen in the rare photographs from that period reproduced in my books.

---

¹⁸ D.V. Ivanov. *Materialy o Peterburgskom buddiiskom khtame, khrianiastchiesia v Gosudarsvennom Ermitazhe, Tibetologiya v Sankt-Peterburge*, Vypusk 1, St-Petersburg, 2014, 26–35.

After the renovation of the Gunzeichoinei Datsan, it again became the center of gravity for city Buddhists as well as those coming from far-off Buryatia and Kalmykia. The temple certainly provided a mighty attraction for them both as a historical site and as a much venerated shrine, known to be under the special patronage of the Dalai Lama. Besides, the Datsan was the seat of the Dalai Lama's representative in Soviet Russia, Agvan Dorjiev, whose mere name had become a legend for Buddhists long before.

According to a journalist Sergei Markov, the people who visited the 'idol temple' in Staraia Derevnia made quite a 'motley throng'. They were mainly the Buryats and Kalmyks, numerous Chinese workers and street vendors who settled in the city after the civil war plus a handful of European Russians. There were also some Finns and Estonians. Many of these Buddhists dwelt in the vicinity of the Datsan, including Agvan Dorzhiev who had his residence in a wooden lodge outside the temple. The Buryat was spoken of as a 'Buddhist bishop' whose 'diocese' was large, including the Kalmyk and Buryat steppes, the shores of the Pacific Ocean, as well as the

'Chinese narrow lanes' in Moscow and Leningrad. Dorzhiev welcomed all his 'guests', and Staraia Derevnia was 'frequented by Buddhist pilgrims'.¹⁹ In Markov's words, the temple 'stood like a gilt paradox on the riverside, by the gulf of a northern sea, in the country of militant atheism'.

The revived regular worship in the temple lasted about a decade and it came to a halt in late 1933. One of the last events was a service in the memory of the deceased 13th Dalai Lama, the chief patron of the datsan. And one and a half years later (in May – June 1935) the first wave of arrests fell upon the lamas in Leningrad. Many of them, condemned as "socially dangerous elements", were sentenced to between three and five years hard labor in the penal camps. And on 1 September 1936, Agvan Dorjiev, 82 years old and in poor health, drew up his last will, being a political testament at the same time, in the form of a letter addressed to his grand-nephew Sandje Dylykov, then a 24-year-old post-graduate researcher at the Institute of Oriental Studies in Leningrad. To him as his near relative he be-

---

¹⁹ S. N. Markov, *Gamburgskii Budda* (Krasnaia Niva, 1930, # 2), 14.

queathed all his property. Dylykov was also to succeed him as the head of the Tibet-Mongolian Mission and was to remain in this position until the arrival of an official representative of the Tibetan government. Dorzhiev, however, was most anxious about the future of his most dear creation, the Datsan, so he requested Dylykov to take special care of the building, by securing the support of the Narkomindel. A year later Dorzhiev left Leningrad heading for his native Buryatia where he hoped to complete his life in solitude and in prayer as befitted a pious Buddhist monk. He apparently anticipated his imminent demise. However soon after his arrival in the Atsagat datsan he was arrested as a “Japanese spy” and put in jail in Verkhneudisnsk (today’s Ulan-Ude). There a few months later (on 29 January 1938) he passed away supposedly of a heart attack as was stated in his posthumous medical certificate.²⁰ However, Buryat Buddhists believe that Dorzhiev did not die but actually passed into nirvana which liberated him from further suffering.

---

20 The document is included in the NKVD file on Agvan Dorjiev preserved in the archive of the Ministry of Security of the Buryat Republic, Ulan Ude (File # 2768, 13 November 1937 – 29 January 1938, 183).

In the meantime in Leningrad the remaining lamas were arrested in 1937, all on trumped up charges, and the Tibet-Mongolian Mission was liquidated. Consequently the temple and its “outbuildings” were retrieved by the state, i.e. municipalized in April 1938.

***

At this point we will return to the present time. In spring 2014 Svetlana Shevelchinskaja, in charge of the photographic collection at the Institute of Oriental Manuscripts (the former Asiatic Museum) in St Petersburg discovered in the archive a little album of photographs entitled ‘Buddiiskii Khram v period ot 1920 po 1924 g.’ (The Buddhist temple in the period between 1920 and 1924). This included 31 black-and-white photographs attached to both sides of 12 cardboard sheets, with no captions or inscriptions. In the right bottom corner of the title sheet one could read a name, presumably that of the photographer and compiler of the album – V. A. Sansero. In the center below the title there was

a round office stamp of the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. Above the title there was a hand-written date – 1925, followed by a number (n° 73). This seems to be the time when the album came into the possession of the Asiatic Museum, later to become the Oriental Institute (today's Institute of Oriental Manuscripts) and was given a registration or inventory number.

Sansero's pictures showed the views of the exterior and interior of the temple in the first years after its pogrom, that is, in the period when it was gradually acquiring its second life. Only a few photographs remained from that dramatic time. Some of them I found in the city archive of the cinema-photo-and-phonographic collection (Tsentral'nyi Gosudarsyvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov, TsGA KFFD), others came from the private collections of A.A. Terentiev, A. I. Bre-slavets, M. V. Ban'kovskaia and V. A. Ivanov. All of them were used as illustrations in the two later editions of my book about the Gunzechoinei Datsan.

Of the photographer himself we know very little. Vladimir Avgustovich Sansero was born in 1882 into a petty bourgeois family

from Moscow. He was educated at a Moscow-based Lutheran reformation school and then got a job at the Joint-Stock Company of Russian Electrotechnical Works of Siemens and Halske. There he worked in a capacity of draftsman until 1906.²¹

According to the Petrograd address directory (Ves' Petrograd) for the year 1917, Vladimir Avgustovich Sansero, a technician, lived together with Vera Adol'fovna Sansero (presumably, his wife), on Big Sampsonievskii Prospect, 70. Yet this was the official address of the L. M. Erikson and C^o telephone factory, not their home address, which suggests they had no permanent residence. A parapsychologist and neo-Buddhist, V. A. Barchenko, who resided in the Datsan hostel in the winter of 1922, also provided some information about Sansero – he worked at the Erikson works, was “a great admirer of Buddhism” and functioned as the manager of the Buddhist hostel. Barchenko's impression of Sansero was somewhat disparaging – he spoke of him as “someone in disheveled clothes, a suspicious looking man, a mechanic Sansero”. The per-

---

21 The Central State Historical Archive (TsGIA), St Petersburg, f. 1249, op. 2, d. 826.

son used to visit the Buddhist colony irregularly – once or twice a week.²²

Sansero obviously enjoyed Dorzhiev's full confidence as the latter indeed appointed him "the manager of the temple and the temple property" and issued him a special certificate on behalf of the Tibetan representation in the Russian Federation (RSFSR).²³ This was a kind of protective mandate for Sansero, who did not like the new Bolshevik regime in Russia and wanted to leave the country.

There is one curious document, Sansero's letter to Dorzhiev, which reveals his political and religious views.

---

22 Central State Archive of St Petersburg (TsGA SPb), f. 2265, op. 1, d. 65, l. 149 ob. Letter from A.V. Barchenko to V.V. Bekhterev, 6 December 1922. Published in: A, Andreyev. *Okkul'tist Strany Sovetov*, Moscow: Yauza Press, 2004, 325.

23 National Archive of the Buryat Republic (NARB), f. 643, d. 2, l. 26, undated. The document apparently was issued by Dorzhiev after the setting up of the Tibetan mission at the Buddhist temple in Petrograd.

Petrograd, 16 July 1921

To the Senior Tsanit Khambo Lharambo

Agvan Dorzgiev

Highly-esteemed Agvan Dorzhiev!

After my many conversations with Karl Mikhailovich Tennison it occurred to me that I could be helpful in the sense of equipping Tibet with electric appliances, or the towns therein, where You find it necessary, which, in the words of Karl Mikhailovich, is consistent with Your long-cherished desire.

If You find it possible to have me naturalized as a Tibetan citizen, then I could immediately start all the necessary preparations of the equipment; otherwise I won't be able to get out of Russia due to my Russian citizenship. You certainly understand well enough that there is no possibility of staying in Russia at the present time. What oppresses me most of all is the moral aspect of life, as fighting against hunger damages the most honest and moral foundations of a human being.

I personally like the Buddhist philosophy and the latter cannot be hostile to me, since the Christian doctrine was totally borrowed from the teachings of the Great Buddha. So it goes without saying that it is much better for one to be a follower of the basic teaching than its distorted version. I am also attracted by the fundamental aspect of the teaching itself. Of course, I cannot be a member of the Sangha order, but only a secular follower of Buddhism, since I am not fully prepared for its acceptance.

I remain respectfully,

V. Sansero²⁴

---

24 National Archive of the Buryat Republic, f. 643, op. 1, d. 4, l. 3. The letter was published in: Stranitsy iz zhizni Agvana Dorzhieva. Archivnie dokumenty. Ulan-Ude, 1993, 99–100. However, Sansero's signature is missing there as the publishers apparently were unable to decipher it.

So Sansero regarded himself a Buddhist for philosophical reasons, a secular follower of the Teachings, who was not yet prepared to take upon himself any religious vows. Of his later life we know nothing. One can assume that he abandoned Petrograd after 1924 and his album was intended as a gift for the head of the Asiatic Museum, the prominent Oriental scholar, Academician Sergei Feodorovich Oldenburg.

As for Oldenburg, he too took much interest in Buddhism, especially in the Buddhist iconography. Together with F. I. Stcherbatsky and a number of other Orientalists he was a member of the temple's special Building Committee established by Dorzhiev in 1909 as an entity to supervise all construction work. According to memoirs of I. D. Khlopina, who lived with Oldenburg's family in the early 1920s, Oldenburg had a reputation in Orientalist circles of being not only the best Sanscritologist, but also the best expert on Buddhism. "We were certain that he was a Buddhist, and not only we, but the Buddhists of Tibet too revered him as a Boddhisattva; they worshipped Oldenburg and brought him special aromatic incense sticks and blue

silk scarfs (khadak – A.A.). He patronized the Buddhist temple in Staraia Derevnia; on matters concerning the temple he was often visited by one Tennison, barefooted, winter or summer, with a long untidy beard and dishevelled hair".²⁵

Karl Augustus (Mikhailovich) Tennison (Karlis Txnisons, 1883–1962) was another neo-Buddhist, a truly remarkable personality. In the recollections of his contemporaries he is portrayed as a rather eccentric person, someone not of this world, obsessed by the Buddhist ideas of karma and the need of redemption. During his lifetime he was called Brother Vahindra, Barefoot Txnu, and The Mahatma of the Baltic. The Kalmyk and Buryat lamas especially esteemed him for his extreme asceticism. He became popular thanks to his publications of numerous booklets, leaflets, postcards with his own portrait, in Estonian and Latvian, with a view to popularizing the Buddhist teaching and his own person, mainly in the Baltic countries – Estonia, where he was born, and Latvia where he was naturalized.

---

²⁵ Quoted from A.I. Andeyev. *Khram Buddy v Severnoi Stolitse*. 85.

Tennison's Estonian biographer Mait Talts refers to him as "an abstract Buddhist", since he did not belong to any particular Buddhist school or tradition. As a young man, he was keen on Tolstoyan philosophy, pagan mythology and theosophy (until 1916), but later he elaborated his own teaching, an eclectic synthesis of Buddhism and neo-paganism. Tennison published two books in Russian: Учение о том, как человек делается бессмертным (A Teaching of how to immortalize a human) (Riga, 1909) and: Буддизм: Древнеиндийская религиозная философия и его эволюция в Европе в наши дни (Buddhism: Ancient Indian religious philosophy and its development in Europe in our time) (Tallinn, 1916). Tennison also authored a bi-lingual Estonian-Russian edition: «Suurmeister Buddha ja tema kxrgemoraaliline xretus: Великий мастер Будда и его высоко-моральное учение» (The Great Master Buddha and his noble moral teachings) (Tallinn, 1911). The latter book, according to Talts, is a great rarity; one won't find it today in Estonian libraries. Only one copy of it is held in the collection of the Russian National Library in St. Petersburg. Also, Tennison is known as a person who created in the late 1920s a doc-

trine of Pan-Baltonia – a monarchic theocratic state which will emerge in the future on the Cis-Baltic territory, stretching from the banks of the Neva River and Lake Onega to Kxungsberg. The official language of the pan-Baltonians will be Russian and their religion a reformed type of Buddhism.²⁶

Karl Tennison stayed in Russia from 1917 to 1923, his home being mainly the Buddhist Datsan in Staraja Derevnja. In spring 1917, in the midst of the February Revolution, he, however, left the city and returned only in July 1920. He was the first to know about the pogrom of the temple, news of which he telegraphed at once to Agvan Dorzhiev, then in Kalmykia. Moreover, when the temple was attacked again by local dwellers in his presence, he resolutely stood up for its defense.²⁷ A year later Dorzhiev appointed Tennison

---

26 См. Mait Talts, "The first Buddhist priest on the Baltic Coast": Karlis Tennison and the introduction of Buddhism in Estonia, <http://www.folklore.eelfolklore/vol38/talts.pdf>

27 Central State Archive (TsGA) St Petersburg, f. 8, op. 1, d. 2567a, ll. 8-12. Akt obsledovaniia bud-diiskogo khrama ispektorom RKI G.L. Pinkus, 16 October 1920. This includes Tennison's narrative of the vandalized temple after his return to Petrograd.

“the keeper of the Buddhist temple” and issued him an appropriate document.²⁸

There are three photos of this Estonian neo-Buddhist in Sansero’s album (## 6, 10, 12). Especially unique is snapshot # 10, showing Tennison standing in front of the altar niche. Behind his back one can see the statute of the Bug Buddha with the knocked off head and a hole in the lower side of the body – evidence of the recent vandalism.

Another rare photograph (# 7) captured the main facade of the temple with the vague contours of a two-story house on the left, behind the fence. This was the residence of the temple abbot, lama Zhigmit Dorzhiev (in 1922) and Agvan Dorzhiev.

The most interesting photos in the album are those which portrayed the inhabitants and visitors of the Buddhist colony in Staraia Derevnia. These are mainly the pictures of Agvan Dorzhiev (# 21), his close assistant Luvsan Sharab (Luvsan-Sherap) Tepkin, who would be elected, in 1925, the Head

(Lama) of the Kalmyk people,²⁹ and a number of group shots. On one of these one can see the trio of the celebrated Orientalists – F. I. Stcherbatsky, S. F. Oldenburg and B. Ya. Vladimirtsov (# 9).

Lubsan Teplin and the Buryat lama Badma Namzhil Ochirov, Dorzhiev another assistant helping him to run the Mongolian mission (## 5, 9, 24), were educated in Lhasa, most likely in the Drepung monastery, returned to Russia in 1922, and it was then that they associated with Dorzhiev and became his top aides. In 1923–1924 they taught the Tibetan and Mongolian languages in the Leningrad Institute of the Living Oriental Languages (LIZhVYa), where they enjoyed the great respect of their Russian colleagues. The German Buddhist scholar Wilhelm A. Unkrieg in his essay *Aus den Letzten Jahrzehnten des Lamaismus in Russland* (The last decades of Lamaism in Russia) recalled his visit of the Buddhist temple in Petrograd and his meeting with Ochirov and Tepkin who impressed him with their profound scholarship. They showed much

---

28 National archive of the Buryat Republic, f, ф. 643, d. 2 (O Petrogradskom khrame), l. 1. Tennison’s certificate is dated July 1921.

29 On L. Sh. Tepkin see: E. Bakaeva. Luvsan Sharab Tepkin i ego vremia (Luvsan Sharab Tepkin and his time), in *Shambhala* (journal), Elista, 1997, # 5-6, 9-17.

interest in the Sanscrit Buddhist terminology and put down several special terms he dictated to them. The reason for Unkrieg's contacts with Ochirov and Tepkin was his own interest in the ritual objects preserved in one of the glass cabinets, standing in the altar niche next to the statue of the Big Buddha.³⁰

On shots ## 8 and 23 one can see a group of Mongol students who came to Leningrad in 1924 and were enrolled in the Leningrad Oriental Institute. They took up their residence in the rooms of the Buddhist hostel. Two more rather curious photos (## 14 and 17)³¹ showing a Buddhist service in the temple require commentary. Previously, before Sansero's albums came into my hands, I thought that regular services in the temple resumed in the latter half of the 1920's, after the installment of the new Big Buddha in the altar. However, on photo # 17 one can see the restored Big Buddha. This means that the

temple was functioning already in the early 1920, probably from 1922. Looking at these two shots I am still curious – who were the lamas who performed the service and where did they come to St Petersburg from?

Summing up, I can say that Sansero's little album is certainly a most valuable historical piece of evidence, which sheds more light on the history of the Buddhist datsan during its most dramatic period – that of its accommodation to the harsh realities of the socialist system.

While preparing Sansero's album for publication, we retained its size (19.5 x 24 cm) and the order of photographs. All photographs were scanned and retouched by Svetlana L. Shevelchinskaia. Their original sizes are given after the captions compiled by Alexandre I. Andreyev.

---

30 See: A.I. Andreyev. *Khram Buddy*, 100-101.

31 * A. M. Pozdneev collection in the archive of the Institute of Oriental Manuscripts has photographs identical to ## 6, 8, 10, 11 and 24 in the Sansero album, according to S. L. Shevelchinskaia

Содержание

Предисловие	4
Титульный лист альбома В. А. Сансеро	41
Фотографии храма В. А. Сансеро	42
Приложение 1. Храм Будды в Колесе Времени: столетний юбилей дацана	73
Приложения 2. Буддийский храм на старых фотографиях	79

Table of contents

Introduction	26
The title page from V. A. Sansero's Album	41
The photographs of the temple taken by V. A. Sansero	42
Appendix 1. The Buddha Temple in the Wheel of Time: The Datsan celebrates its 100th anniversary	73
Appendix 2. The Buddhist temple in old photographs	79

Сведения об авторе:

Андреев Александр Иванович, историк, д-р. ист. наук., вед. науч. сотр. Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН.

В 2003–2015 гг. заведующий Мемориальным музеем-квартирой П. К. Козлова, руководитель Группы по истории исследования Центральной Азии (в составе ИИЕТ).

Сфера научных интересов: история Тибета, российско-тибетские и российско-монгольские отношения, буддизм в России, российские экспедиции в Центральную Азию (XIX–XX вв).

Автор книг и статей на русском, английском и французском языках, в их числе монографии: *От Байкала до священной Лхасы* (СПб.– Самара – Прага, 1997), *Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy* (Leiden-Boston, 2003), *Храм Будды в Северной столице* (СПб., 2004; 2012), *Оккультист Страны Советов: Тайна доктора Барченко* (М., 2004), *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России* (СПб., 2006); *Гималайское Братство: теософский миф и его творцы* (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008); *TIBET in the earliest photographs by Russian travelers, 1900–1901* (Logo, Studio Orientalia, New Delhi, 2013); *The Myth of the Masters Revived: The Occult Lives of Nikolai and Elena Roerich* (Brill: Leiden-Boston, 2014. Eurasian Studies Library, vol. 4).

Александр Иванович Андреев

Санкт-Петербургский буддийский храм
в фотографиях В. А. Сансеро (1920–1924).
Из коллекции Института восточных рукописей РАН

Научный редактор А. Терентьев
Тех. редактор Н. Аверина
Макет, дизайн обложки А. Симоненко / Sima

Издательство А. Терентьева «Нартанг»
г. Санкт-Петербург, 191123, а/я 135
narthang@buddhismofrussia.ru

Подписано к печати 10.09.2017
Печать офсетная, бумага, мелованная, формат
усл. печ. л. Тираж 200 экз.
Заказ № 78
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Бионт»
г. Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86
Тел. (812) 207-58-43

ISBN 978-5-901941-32-4

